

БЫЛ МНЕ удивительный сон. Будто лес вокруг родного села чудесным образом превратился в заказник, а я, о том не ведая, в одно прекрасное утро забрался на верхушку старого дуба подышать свежим воздухом. Воздух был не просто свежий, а прямо-таки целебный, и я радовался, что мои нервы, еще вчера натянутые, как струны, начали успокаиваться. Я даже решил остаться на дереве до конца моих дней, как вдруг услышал повелительный голос лесника: «Слезай, браток, не то дробью асыплю!»

Я не хотел спускаться — не совсем же он дурак палить в живого человека! — но он именно выпалил, но попал не в меня, а в какую-то птицу, как раз вернувшуюся из жарких стран. «Слезай! — рякнул он, наливаясь кровью. — Имей в виду, у меня двустолка!» На этот раз я заупрямился из принципа, и он стрелял снова, и снова угодил не в меня, а в пролетную птичку. «Всё! Рублю дерево!» — проскрежетал он и, не успев я глазом моргнуть, молодцы схватились за топор. Полетели цепки, раздался болезненный стон, и дуб повалился к ногам лесника. Быть бы там и мне, но я успел ухватиться за балку, продолженную поперек небосвода. Болтаюсь, как маятник, — и дышу. А воздух чистый...

Смотрел я этот сон и никак не мог понять, что снится мне мое собственное стихотворение, которое ни одна газета, ни один наш журнал не печатали в свое время напечатать. Трудно сказать почему, но стихи «не пошли», и теперь, в этом ночном видении, в них что-то сместилось, и уж не знаю как, но я был одновременно и нарушителем, и лесником. В меня стрелял я сам. Я был, если можно так сказать, и целью, и средством достижения цели, и нарушителем, и охранителем, и, желая быть исправным охранителем, я целился в себя и уничтожал... Я часто задумываюсь над этой странной связью. Мы сплошь и рядом, желая сохранить то, что кажется нам жизненно важным, самым способом охраны, средством покушаемся на цель, на то, что стремились сберечь для себя и для потомков. Почему это происходит?

Сотни этих «почему» мучают меня. Вспоминаю людей и поступки, которым не могу найти объяснения, они преследуют меня, как навязчивые страхи. Одна не дающая мне покоя история связана с тем.

Как выгоняли черта

Много лет назад я слышал разговор между пораженной матерью и ее крестником. Он, рассказывая, побил жену, и посаженная, прослышав от людей об этом безобразии, призвала его к ответу. «За что?» — в упор спросила она, едва он вошел в ворота. «Я не бил, — хмуро ответил он. — Так, маленько смазал по губам, чтобы черта выгнать». Глаза его вдруг наполнились слезами, и он, не простояв, ушел. Я было сунулся с митовством, посаженная задумчиво поглядела на меня и вздохнула: «Бог их знает, кто виноват. У него золотые руки, и трудится он, прости за выражение, как вол. А она пьет — аж дым идет. Ты знаешь, что такое пьяная баба? Раньше их не бывало. А теперь появились!»

Вот их история. Женились по любви. Построились, родили двух мальчиков и девочку. Это было в начале пятидесятых. Жилось трудно, но все-таки жилось. Постепенно становилось легче, но именно тогда женщина начала прикладываться к стакану. И доприкалывалась. Дети росли, как бурьян, муж выкалывал на работе, и дом без хозяйских рук уже никого не грел. Попробовал муж поколечивать жену, но без пользы: она упорно предавала из дома посуду, одежду и пила, пила без просыпу.

Тогда муж бросил семью. Переехал к другой женщине и начал все сначала. Построил новый дом, красивее и прочнее прежнего. За делами забыл о детях. Мать совершенно потеряла человеческий облик, дочка из-за нее обгорела на печи, младший сын до смерти избил соседа и, естественно, попал куда следует, перенечек же, вернувшийся из армии бравым парнем, скоропалительно списался — и умер. Покойника понесли к могиле мимо нового отцовского дома, но отец даже на дорогу не вышел проститься с сыном. «На крыше, говоришь, был? — спрашивала потом посаженная. — Так надо было спуститься! Если ты не собака, а человек!»

Вскоре умерла и первая жена. Ее схоронила соседка-суботница, а он снова не вышел попрощаться. В ушах у меня и сегодня звучат его слова: «Не бил. Так, маленько смазал по губам, чтобы черта выгнать...» Того черта он не выгнал. Но, думаю я, не поселил ли он второго черта в своей собственной душе? Ведь только человек, одержимый нечистой силой, говоря по старинке, мог поступить так, как поступил он. Но, скажут мне, он ведь вполне нормален, у него руки золотые... Какой толк, отвечу я, в золотых руках, если душа человека не знает законов совести? Может ли нормально жить такая душа?

...Знавал я еще одного человека, тоже с «золотыми руками». Я назвал его в книге Аристидом. Он ловил диких голубей удачкой. Цеплял к леске по два десятка крошечных, насаживая на них вымоченные в воде пшеничные зерна. Голуби клевали зерна и заглатывали крючки. Они бились, как рыбы на сусе. Аристиду очень нравилось. Он сжимал их с крошечных, рубил головы и варил бульон: он где-то слышал, что голубиный бульон — самая диетическая еда. В диете он не нуждался, но бульон хлебал. Его судили за зверское избиение сына: мальчик не дал ему надуртаться над сестрой.

Отсидел, но вернулся таким же, как был. Только с галстуком. И сказал соседу, свидетелствовавшему против него на суде: «Ты меня засадил и думал, что мы уже не встретимся? Так вот посмотри: у меня на шее не веревка, а галстук. И я вернулся с тобой поздороваться. Дрожжишь? Так и будешь дрожжать, пока не содхнешься». Спусти пару месяцев дом соседа загорелся, отчего — так и не дознались. А Аристид уехал — мир велик, устроиться не проблема, ведь у него руки золотые, он мастерит отличные бочки и, конечно, выгодно их продает...

Протащить его в литературу поначалу оказалось сложно. «Поймите, — толковали мне литэксперты, — молдавская литература не знает таких типов! Ведь один такой негодяй затмевает сотню положительных героев!» Потом я составил это же мерзавца в пьесу, которая лет десять не сходила со сцены нашего театра. Но нынешней весной пришел приказ пересмотреть ее: Аристид в спектакле пьет, как и положено такой скотине, без ведра вина ему на сцене делать нечего, а с пьянством

мы нынче боремся. Приказ есть приказ, но до чего же мне жаль пьесы!

Опять — странный казус! Цель благородная — борьба с пьянством, но, убирая таких аристов со сцены (и из литературы), не вычеркивают ли из жизни явление, которое, может быть, и страшнее пьянства? Целясь в одно, не уничтожаем ли другое? Помнится, в «Маленьком принце» король задумался: «Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват: он или я?»

...Что-то произошло с нами за последние двадцать — тридцать лет, что-то очень серьезное. Начали терять душу. Происходило это незаметно. Жизнь как будто менялась к лучшему, особых забот не испытывали, жили только сегодняшним днем, спеша забыть о вчерашнем и забывая думать о завтрашнем. Что-то странное случилось и с моими соплеменниками: были щедрыми, жалостливыми, добрыми, а теперь — многие из них сами по себе и сами для себя. Теперь они пошутно считают гродзю на виноградных кустах и радуются, что осенью можно будет сделать много вина. Однажды я слышал, как щеголял человек перед знакомым: «Свадьбу дочке закатили неслыханную. Жена навестела девятьсот голубцов, ей-богу, а гостей было полтыщи, почти по два голубца на душу. И по паре котлет, представляешь? Ну, правда, и собрали... Тридцать тысяч как одна копеечка! Я при всех вручил детям, пусть не знают нужды, как узнал ее я, когда женился!» Я впервые встретил молдаванина, который считал голубцы и котлеты на тарелках гостей. И я сказал себе, что дело неладно, перегнули мы что-то с благородной целью — с материальным благосостоянием, не превратиться бы в кулаков, и если дальше пойдет в этом духе, то не сегодня-завтра молдавская литература потеряет село, как почти уже потеряла город. И тогда возникнет вопрос:

Для кого мы пишем?

В эссе Б. П. Хашдеу об известном политическом деятеле Милеску Спфарии я встретил поразительный эпизод: в 70-х годах XVII века Артамон Матвеев, вдавшив Посольским приказом, при возвращении дома столкнулся, говоря по-нашему, с дефицитом строительного камня. Тогда услужливые приближенные решили снять с погоста могильные плиты. Они могли позволить себе святотатство... С тех пор миновало три столетия, бояр давно не стало, но аналогичные истории у нас случаются. Они происходят в дальних селах, где строительным днем с огнем не сыскать, а люди, как и всюду, хотя воздвигнут высокие дома, чуть ли не чертоги, уставить их зеркалами, увесить коврами — лишь бы утереть нос соседу. Но хозяева зеркальных дворцов ничего не читают, они подписаны на одну-единственную газету, и то по разнарядке, гуртом, через бухгалтерию колхоза или совхоза. Единственный источник информации — телевизор, но и его смотрят некогда: ложатся с курами, встают с петухами. Даже у медиков и учителей почти нет личных библиотек! Да и к чему библиотеки, если мысли все равно другим заняты! Один учитель хвастался: «Я за лето продал на полторы тысячи помидоров, веришь? А это моя годовая зарплата, веришь?» Почему-то ему нужно было, чтобы я верил.

Я говорю, конечно, об отдельных педагогах и врачах, хотя в Молдавии этих «отдельных» довольно много. Есть у нас, к счастью, и настоящие учителя, их немало, и я рад, что они настоящие, что не поддаются меркантильным соблазнам, что читают книги, посещают театры, пишут письма литераторам, приглашают на встречи со школьниками, борются изо всех сил за душу ребенка, которого иные родители год за годом упорно отравляют от книг, считая школу вообще пятым колесом в телеге...

Да, как ни печально сознавать, но мы, молдавские литераторы, почти потеряли своего городского читателя и, кажется, теперь теряем и сельского. Если окинуть взглядом молдавскую литературу двух последних десятилетий, мы не так уж много найдем в ней произведений действительно интересных. Писали много, но — обо всем и ни о чем. Значительная часть нашей продукции устаревает, едва родившись: книга, вчера попавшая в магазин, сегодня продается в нагрузку. Странно ли, что журнал «История», последовательно публикующий почти все, что у нас пишется, дошел до тиража... 3600 экземпляров! Редактор, конечно, может оправдываться: «Журнал делаю не я, а вы, писатели. Имеете, что заслужили». Вероятно, заслужили. Но редактор лукавит, он умалчивает о том, чего не печатает. Кроме того, по-ложу руку на сердце, признаю, что практика печатания так называемых «журнальных вариантов» романа сомнительна, ибо используется чаще для срезания острых углов, приглаживания текста, что, по мнению редакторов, должно охранить читательские души от ненужных переживаний.

Что же получается на деле? На деле журнал скоро вообще останется без читательских душ, а читательские души — без литературы.

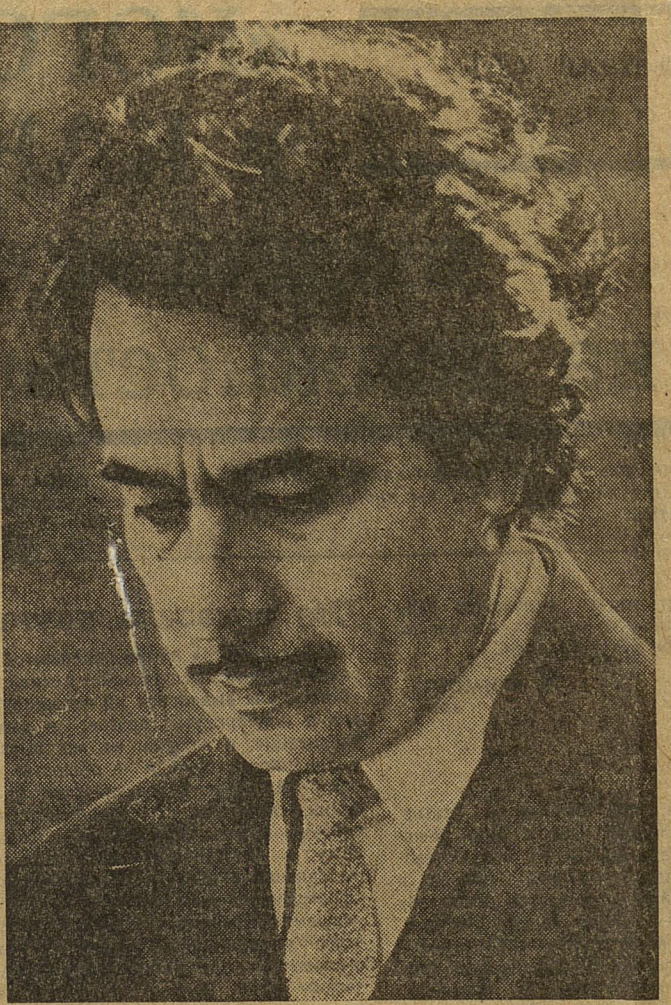
Время теперь другое, давайте отвечать по совести. Это раньше можно было писать для Ивана Ивановича или Георгия Георгиевича в надежде на лаурея, теперь всем и каждому нужно писать для читателя. Но читателя — подлинным читателям — нужны книги, написанные сердцем, искренне, талантливо и главное — о нас. Чего мы им предлагаем? Мы предлагаем им, например, о табачковосте? А ведь каждый из нас хорошо знает, что табак оккупирует наши лучшие земли, вытесняет бахчи и виноградники. Однажды некий властный голос запретил касаться этой темы. Мы и рады: не касаемся. Тем более, что табак — культура прибыльная. Цель, опять-таки, серьезная... А люди нам не нужны?

Разве допустимо, что в Молдавии рядом с материальными на уборке табака работают и дети? Есть, конечно, есть запрещающая инструкция, но кому до нее дело? Летом в уборку дети ломают «карманные листы», дети нанизывают их на суровые нити, распределяют по сортам, разглаживают, увязывают в кипы. Трудно даются деньги на табак, а зарабатывать кому не хочется! И что спрашивать с руководителей хозяйства, у них план, у них каждая пара рук на вес золота. Конечно, когда много правления едут в поле машины, полные детей, они закрывают глаза. И медики тоже. И мы, литераторы. Мол, зачем нам лишние волнения! И, между прочим, не только в Молдавии. Мол: например, в ночь на 31 августа 1986 года на Молдавию обру-

Думитру МАТКОВСКИ

Почему подчас с такой легкостью уступаем мы свои позиции — нравственные, творческие, гражданские?

Не потому ли, что привыкли к удобной пассивности?

НАРУШИТЕЛЬ В ЗАКАЗНИКЕ

шилось мощное землетрясение, второе за последние девять лет. За полночь люди поспешно покинули дома и с детьми на руках высипали на улицы. Шел дождь, погасло электричество, укрыться было негде. Кто-то пошутит: «Гром гремит, земля трясется, пол на курице несется...» Засмеяться. Могло быть и хуже.

На следующий день о случившемся сообщила программа «Время». Подземные толчки достигались и до Москвы, в столице они не превысили трех баллов. Конечно, москвичам трудно было представить, каков он — разгул подземной стихии. И когда корреспондент ЦТ брал у некоторых из них интервью, они радостно улыбались и, слава богу, были в отличном настроении. Однако почему вопрос о самочувствии задавали москвичам? Почему не спросили и молдаван? Боялись, что мы не будем улыбаться?

По официальным данным, приведенным в специальном постановлении ЦК Компартии Молдавии и Совмина республики, у нас «серьезно повреждены свыше 55 тысяч жилых домов, сотни школ, дошкольных учреждений, объектов здравоохранения, торговых и сферы услуг... свыше 12,5 тысячи человек лишились крова и нуждаются в переселении...». Так ради какой серьезной цели понадобилось в тот день скрывать картину несчастья за розовым паром?

Или возьмем пьянство, которому вроде бы и на деле, и на словах объявили бой. Но ведь кто не знает, что в иных селах как пили, так и пьют. Нельзя в буфете? Нельзя в кафе? Так можно дома: у дяди Георге, у папаша Пинтилие, у кума Василе — у всех троих есть вино на продажу. Торгуют в потемках, за двойную, а то и тройную цену. Покупатели просачиваются ночью, издалека, даже из райцентра, даже из окрестности, даже из милиции. Я не люблю слово «саботажи», но скажите, какое другое произносите? Как иначе назвать и эту «борьбу с пьянством», и то, как поступаем мы, литераторы, когда обходим деликатным молчанием столь важные для нас всех, главные темы? Мы саботируем. Мы саботируем потому, что, как и тайно покупающие вино районные руководители, как и другие руководители, не выдающие дальше своего стола, мы тоже никак не привыкнем, не умеем быть хозяевами в своем доме. Зато с удовольствием объясняем молодым, как надо писать — так, как сами, наверное, уже не сумеем.

Правда, советы эти тоже бывают разными. Один из моих собратьев по перу не упускает случая, чтобы не «послать» начинающих писателей на Северный полюс, на Сахалин, на БАМ: только в движении, утверждает он, рождается литература. Однако многие из данных таких советов побывали чуть ли не в космосе, но, кроме стерильных путевых заметок, ничего путного не привезли. Мне думается, не потому у нас мало выдающихся произведений, что молдавские писатели еще не побывали Там или Сям — уж где только не побывали в свое удовольствие и на казенные деньги! — а потому, что им не хватает гражданской смелости, которая, смею напомнить, является нестемлемой частью таланта, дара божьего, как говорили в старину.

А теперь давайте

Что же он имел в виду?

Герой моей пьесы, истомившийся от долгого осеннего дождя, размышляет о земле, действительно говорит: «Паскудный дождь!» Слова эти никому не адресованы и скорее похожи на вздох, чем на брань. Но вот пожилой человек, ровесник моего героя, увидел в них, может быть, главный изъян пьесы. Почему?

Дожди в Молдавии были и, наверное, всегда будут одной из величайших человеческих радостей. Они нерегулярны, бывают, месяцами не прольются ни капли, и тогда каждый молдаван болезненно переживает «великую суху», сливаясь в одно дыхание, в одной скорби с землей.

Есть древний молдавский танец папаруды: в засушку женщины и девушки, обернув тело только пучками зеленой травы, выбегают на дорогу, в поле и танцуют, призывают дождь. Существовал, стало быть, культ дождя, рожденный тем, что не реже раза в полвека, а то и чаще, Молдавию посещает беспощадная, изуродованная засуха, сеющая вокруг черную смерть подобно самым опустошительным войнам. Я считаю себя относительно молодым, но в детстве пришлось и мне пережить эту трагедию, и ужас ее я помню хорошо. Вот почему упрек сегодешнему крестьянину был для меня столь чувствительным.

Помню, как в сорок седьмом погиб от голода мой товарищ по играм. Помню двух сестер, одну пятнадцатилетнюю, другую двенадцатилетнюю, оставшихся после без матери, а потом и без отца. Чужие невзгоды мало кого интересовали в ту пору, а девочки, истощенные, худые, не в состоянии были сами вырыть могилу в спешке, твердой, как камень, земле. Обратились к соседу, другому, третьему. Четвертый наконец согласился — за ковер, который мать оставила им в приданое. Он выкопал яму, и они, выбиваясь из сил, понесли тело отца на кладбище. Вернее, не понесли, а поволокли, уложив его на циновок. Когда добрались, могила уже была занята: кто-то опередил их.

Чем этот сюжет слабее шекспировских?

Бедствие сорок седьмого года имело объективные причины: засуха нагрянула сразу после войны. Молдавия лежала в руинах, люди жили врозь, каждый за себя. Но была причина и субъективная: тогдашнее руководство республики пыталось выполнить поставленную любой ценой. Страна не знала, что происходило в Молдавии. А когда узнала, поспешила на помощь.

С тех пор прошло почти сорок лет. За это время многое изменилось. О войне наши дети знают по кинофильмам, книгам. Но нет ни одной книги об этой страшной послевоенной засухе. Но разве уроки истории предназначены не им, нашим наследникам?

История не является ничей собственностью, так же как патриотизм не может быть чуждой приливлей. Каждый любит родину так, как может только он, и никто другой. Но трагедия как жанр давно исчезла из молдавской литературы, и я, думаю, это не случайно. Было время — считалось, что в нашей действительности трагедии не место, что трагедия для нас нетипична, что надо уметь видеть вещи в исторической перспективе, как бы застилавшей все жестокой, трагическое. Но жизнь не только радость. Боль — тоже жизнь, вечная в своей непостижимой сложности.

...Но я говорил о дожде.

После засухи сорок седьмого навалилась на нас физическая не столь свирепая, но не менее опасная засуха — духовная. И дилася она не год и не два. Последствия ее были тяжелые: она опустошала человеческие души и тем самым покушалась на наш социалистический образ жизни. В ту пору молдавская

литература решала проблемы коллективизации. Многие из того, что писалось, страдало двумя основными пороками — несопадением с реальной жизнью и, во-вторых, создавалось по одной колодке. Правда, колодка была великая, но — заемная. В соответствии с нею выискивались по нашим селам (и не только в литературе) кулаки, подкулачники, середняки и т. п. После засухи прошло года два — откуда им было взяться? Пьезмы, новеллы, пьесы — литературу захлестнула волна имитации. Плохо то, что все эти подделки срочно вводили в школьную программу. Еще хуже то, что они там красуются и поныне.

Без коренного пересмотра устаревших позиций мы не сможем двигаться дальше — это очевидно сегодня для всех. Каким же образом могло случиться, что то, чему предстояло стать событием нашей литературной жизни — последний съезд писателей республики, — не оправдал наших надежд: надежд на очищение, на перестройку в литературном цехе, значит, в делах каждого из нас.

И без коренного пересмотра правдивых голо-са, но как-то под сурдинку, да и те за пределами зала не были услышаны. Стоит ли удивляться, что на следующий день Молдавское телеграфное агентство представило читателям республиканских газет выдающийся образец искажения и умолчания фактов под шапкой «Следовать правде жизни»? Можно ли столь высокой цели, как уважение к правде жизни, добиться столь сомнительными средствами? К счастью, отчет о нашем съезде дала «ЛГ», развенчав эту прелесть пастораль. Так

Что же мешает нам въехать на гору?

Помню себя мальцом в телеге, запряженной двумя лошадками. Тащились мы, тащились на холм — и на полпути стали. Мало того — телегу потянуло назад, под гору. Ездовой, дед Ион, взялся было за кнут — не помогло. И тогда он резко натянул вожжи: «Тпру, болячки! Куда вас несет? Дайте дух перевести, я с ходу в гору не выберусь!» Я поглядел на него с удивлением: «Дед, зачем же их останавливать, если они и так не шибко землю роют?» Он усмехнулся, как умеют только старики: «Это верно, что не роют. Но пусть они не думают, что остановились по своей охоте».

Дед Ион был мудрым хозяином, и он помнил главную цель: въехать на гору. Тактика деду Иона оправдала себя — кони отдохнули, и мы спокойно поднялись в гору...

Теперь о современном аналоге. Когда идет речь о простом водителе, любой профессионал может быть с ним на равных: «Слезь-ка, браток, я попробую». И если упрямец не уступит, то рискует остаться в одиночестве посреди дороги. Профессионал, заняв место за рулем и вытащив машину из колдобины, преподает ему таким образом предметный урок. Но когда речь идет не о водителе, а о руководителе, все невероятно усложняется: ведь «он» ничем не уступит место добровольно. Приказом «его» назначили, приказом и освободят. Как-никак «он» руководит коллективом, а не самосвалом и не позволю, чтобы ему давали уроки. У него самобытность и абсолютная уверенность в своей непотребности, хотя очень может быть, что в деле, которым руководит, он человек случайный. Я не встречал еще ни одного начальника, который не считал бы себя достойным своего поста. Напротив, все «как один» претендуют на повышение.

Обобщать, конечно, не следует, но все же я хочу обобщить собственные наблюдения — писательские, скажем так. Создается впечатление, будто в нашей республике некоторые важные посты, особенно связанные с культурой, занимают люди, которым «права вхождения» вручены без серьезного экзамена. Некоторые из этих руководителей в молодости были довольно простодушными студентами. С грехом пополам перебрались они с курса на курс исторического или филологического факультета, волею из судьбы «хвосты» даже по ведущим дисциплинам. Может, с тех пор они выросли? Возможно. Но не настолько же, чтобы прыгнуть выше собственного лба! Способности у них остались прежние, зато гору порывались.

Бывает, на каком-нибудь собрании обнаруживаешь такого в президиуме и удивляешься: «Надо ж, пять лет проучился рядом и не знал, что его зовут Иваном Филаретовичем!» А он уже поднимается на трибуну, солидно прокашливается и начинает: «Интерес нашей литературы требуют...» И прихорашивает не только выслушивать, но и считаться с его директивами, потому что говорит не Иван, а трибуна, на кой он столь вальяжно блистает. А выступление-то, между прочим, написали подчиненные. Из таких выступлений худо-бедно составляется вскоре кандидатская, которую, будьте уверены, он защитит. А там, глядишь, и на докторскую замаяхнется. Так что в случае чего он всегда спрячется за ученую степень и займет теплое местечко на кафедре, чтобы выслушать теперь уже студентов: «Интерес нашей литературы требуют...»

Стоит ли говорить, что критика других, сам Иван Филаретович совершенно нетерпим к критике. Да никогда он ее не допустил! «Товарищи!» — возгласит он. — Не будем заниматься критиканством... Давайте говорить спокойно, взвешенно...»

Да, кадры решают многое. Перестройка снова поставила вопрос о кадрах в повестку дня. И как земле, чтобы она плодоносила, нужен дождь, так необходимым нам чистые, с чистыми руками кадры, способные создать условия для подлинного расцвета нашей культуры. Именно об этом ясно и четко сказано на недавнем Пленуме ЦК КПСС.

***

Возвращаясь время от времени мыслями к своему старому стихотворению, я снова и снова спрашиваю себя: почему мы, желая сохранить то, что нам кажется жизненно важным, нередко выбираем средство, которое посылает на цель, на то, что мы так стремились сберечь — для себя и для потомков? Почему подчас с такой легкостью, почти без сопротивления, уступаем мы свои позиции — нравственные, творческие, гражданские? Не потому ли, что привыкли к удобной пассивности, что роль «нарушителя в заказнике» не всегда разыгрывалась по правилам романтической пьесы? Но я оптимист — я верю, что нам хватит силы и смелости исправить ошибки прошлого, и зрелости, чтобы не сделать новых. Я оптимист — я верю в глубинные резервы человеческой души, в ее способность к обновлению.

Перевел с молдавского А. БРОДСКИЙ

Поговорим о дожде

В театре шла моя пьеса «Отец». Однажды после спектакля ко мне подошел пожилой человек, явно приехавший из села, и осторожно спросил: «Вы молдаванин?» «Молдаванин», — ответил я. — Из крестьян? Разве по мне не видно?» Он неслышно улыбнулся: «Видно, но... Но если вы молдаванин, то почему ругаете дождь?» Похлопал меня по плечу, чтобы не обидеть, и исчез.